УДК 82.0 https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.8(33).13

Н.Н.Смирнова

«ОБ ЭТОМ И ТОЛЬКО ОБ ЭТОМ НУЖНО РАССКАЗЫВАТЬ». ЧЕХОВСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В ОСМЫСЛЕНИИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Лев Шестов первым увидел в творчестве Чехова новые принципы мышления и построения краткого, фрагментарно-афористического повествования. Изначально замысел книги «Апофеоз беспочвенности» (1905) строился на контрасте двух фигур в русской литературе — Тургенева и Чехова. Но постепенно замысел получал новые ответвления: размышления о чеховских сюжетах, о судьбах чеховских героев, судьбе самого писателя. Впоследствии чеховская тема перемещается в знаменитую статью «Творчество из ничего» (1905), где Лев Шестов, развивая замысел «Апофеоза», осмысляет чеховское творчество, его стиль повествования, важнейшие доминанты мышления. Новые принципы чеховского рассказывания истории созвучны мысли философа о принципиальной незавершаемости, фрагментарности мира и жизни, человеческого существования. Следуя чеховской логике повествования, Шестов постоянно возвращается к ключевым фрагментам перечитываемого, сопрягает и сталкивает разные идеи, вырабатывая свой провокативный стиль мышления, впервые обоснованный в «Апофеозе беспочвенности».

***Ключевые слова*:** А.П.Чехов, Лев Шестов, теория литературы, русская литература, русская философия, повествование, фрагментарность, перечитывание

Лев Шестов [1] был первым, кто увидел в творчестве А.П.Чехова новые принципы развертывания мысли и ее сцеплений (если пользоваться толстовским определением)[1]. Новые стратегии рассказывания, построения истории, парадоксальным образом отразились и в философском дискурсе самого Шестова. Он уловил принципиальную незавершаемость чеховского развертывания мысли, — абсолютно новый стиль ведения повествования, в котором нет удовлетворяющего читателя финала, ни с точки зрения архитектоники, ни с точки зрения пресловутого «мировоззрения», которое читатель привык искать в литературе. Знаменитая шестовская работа о Чехове «Творчество из ничего» (1905), посвященная утрате представлений о целостности всех жизненных устремлений человека, часто была в фокусе внимания исследователей[2]. В связи с ней рассматривались особенности иррационализма Шестова, в меньшей степени это касается именно принципов чеховского художественного мышления, оказавших влияние на философа.

Изначально «Апофеоз беспочвенности» (1905) предполагается Львом Шестовым как книга о Чехове и Тургеневе [6, с. 64, 65-67]. Экзистенциальные идеи и краткий, фрагментарный, даже незавершаемый характер мысли (во многом навеянный лаконичным, обрывающимся «на полуслове» чеховским повествованием) представляют новый тип повествования, не логически стройный и доказательный, но прерывистый, отнюдь не сводящий сказанное к единому знаменателю. Подступы к обоснованию такого типа мышления Лев Шестов находит именно в творчестве Чехова. Однако статья о Чехове «Творчество из ничего» была опубликована отдельно в том же 1905 г., что и новый вариант книги, развившийся из первоначального «чеховско-тургеневского» замысла — «Апофеоз беспочвенности» как мы его уже знаем. «Чехов умер — теперь можно о нем свободно говорить. <…> Разбирая его произведения, критики до сих пор ограничивались общими местами и избитыми фразами. Знали, конечно, что это дурно: но все лучше, чем выпытывать правду у живого человека» [7, с. 184].

Так, по Шестову, биография художника — важнейший источник для понимания его творчества, но совершенно не в том смысле, как рассматривалась она биографическим методом в литературоведении. Философа интересуют внутренние основания, невидимые события жизни, запечатлевшиеся в повествовании. И даже не слова, не идеи, не подбор образных средств, не степень убедительности рассуждений в повествовании и т.п.: «По прочтении книги нужно забыть не только все слова, но и все мысли автора, и только помнить его лицо» [7, с. 238]. *Лицо* здесь — образ, возникающий из особого тона повествования, не воспроизводимого ни усвоением идей, ни аргументации, ни причинно-следственных связей. Вместе с тем лицо — это то, что удостоверяет философскую мысль, которая не может быть безличной, безотносительной к выразившему ее. И именно лицо, а не общая идея определяет весь строй мысли и стратегию философского повествования.

В «Апофеозе беспочвенности», он излагает эту свою новую стратегию, вдохновленную чеховской манерой рассказывания: его личный опыт читателя подсказывает ему, что *общая идея* сочинения — *тиран*, подавляющий собой все сказанное. Именно поэтому философ разбирает «по камням наполовину уже выстроенное здание» своей книги, с тем чтобы представить каждый его элемент отдельно, «в виде ряда

[1] «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, — теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью, я думаю, а чем-то другим…» (Из письма Л.Н.Толстого Н.Н.Страхову 23 и 26 апреля 1876 г., Ясная Поляна: [2, с. 785]).

[2] В последние годы вышло много важных работ, посвященных изучению рецепции Чехова, особо следует отметить: [3-5].

внешним образом ничем не связанных между собой мыслей…» [8, с. 34]. Здание при этом становится «домом без крыши» — это, одновременно, и дом, который строится и перестраивается бесконечно, и дом, который покинут «безнадежным человеком», наподобие чеховского; о нем идет речь в «Творчестве из ничего»: «У него ничего нет, он все должен создать сам. И вот “творчество из ничего”, вернее, возможность творчества из ничего — единственная проблема, которая способна занять и вдохновить Чехова» [7, с. 201]. Творчество из ничего дома без крыши — таковы фигуры шестовской мысли, инспирированные творчеством Чехова. Это дом, в который странник уже не вернется, потому что его усилиями дом разбирается по камням, и остается вечно ходить в лабиринте.

В образе бесконечного странствия, на которое обречен *безнадежный человек*, проявляется важнейшая предпосылка шестовской мысли, которая и впоследствии, несмотря на некоторые перемены, остается неизменной: «Какова же задача философии — исследовать ли смысл целого и искать во что бы то ни стало законченной теодицеи, по образцу Лейбница и других прославленных мудрецов, *или выслеживать до конца судьбы отдельных людей*, иными словами — задавать такие вопросы, которые исключают всякую возможность каких-либо осмысленных ответов?» (выделено мной. — *Н.С.*) [9, с. 153][3].

Именно с выслеживания судеб чеховских персонажей начинает Шестов свои фрагментарно-афористические опыты «Апофеоза беспочвенности». Сама идея беспочвенности у Шестова также навеяна чеховским творчеством, самой личностью и судьбой писателя. Чехов, по мнению философа, последовательно уничтожал все, что напоминало бы уверенность и твердое мировоззрение, надежды и чаяния человека. Все это выглядит как обманки, скрывающие бездну последних вопросов бытия, в самых неожиданных ситуациях разверзающуюся перед обыденным человеком в его ничем не примечательной повседневности. «Чехов был *певцом безнадежности.* Упорно, уныло, однообразно в течение всей своей почти 25-летней литературной деятельности Чехов только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды. В этом, на мой взгляд, сущность его творчества. <…> Возьмите рассказы Чехова — каждый порознь или, еще лучше, все вместе: посмотрите за его работой. Он постоянно *точно в засаде сидит,* высматривая и подстерегая человеческие надежды. И будьте спокойны за него: ни одной из них он не просмотрит, ни одна из них не избежит своей участи. Искусство, наука, любовь, вдохновение, идеалы, будущее — переберите все слова, которыми современное и прошлое человечество утешало или развлекало себя — стоит Чехову к ним прикоснуться, и они мгновенно блекнут, вянут и умирают. И сам Чехов на наших глазах блекнул, вянул и умирал — не умирало в нем только его удивительное искусство одним прикосновением, даже дыханием, взглядом убивать все, чем живут и гордятся люди» [7, с. 185, 186].

Умирание героев, умирание надежды, умирание традиционного новеллистического повествования, даже того привычного читателю раннего чеховского рассказа[4], — небытие и безнадежность представляются Шестову отнюдь не финальной точкой философского поиска, а началом (недаром, сборник, в который впоследствии вошла статья о Чехове «Творчество из ничего», так и называется «Начала и концы», 1908). Однако это — начало нового пути нескончаемого, незавершаемого, как незавершаемо и само повествование о нем, ломающее стройную композицию рассказа, который может внезапно окончиться ничем.

Перечитывая Чехова, Шестов размышляет над важнейшей в современности черте «лабиринтного» и фрагментарного сознания — принципиальной *незавершаемости*, не поддающейся никакому финалу, найденному решению, не важно удовлетворительному или нет. В центре размышлений — рассказы зрелого и позднего Чехова (такие как «Скучная история», 1889, «Черный монах», 1894) как новый тип назавершаемого повествования, где даже смерть героя перестает соответствовать прежним представлениям о конфликте: «Это всегда так бывает: когда автор не знает, что делать с героем, он убивает его. Вероятно, рано или поздно этот прием будет оставлен. Вероятно, в будущем писатели убедят себя и публику, что всякого рода искусственные закругления — вещь совершенно не нужная. *Истощился материал — оборви повествование, хотя бы на полуслове*. Чехов иногда так и делал, — но только иногда. Большей же частью он предпочитал, во исполнение традиционных требований, давать читателям развязку. Этот прием не так безразличен, как может показаться на первый взгляд, ибо он вводит в заблуждение. Взять хотя бы «Черного монаха». Смерть героя является как бы указанием, что всякая ненормальность, по мнению Чехова, ведет обязательно через нелепую жизнь к нелепой смерти. Меж тем едва ли Чехов был твердо в этом убежден. По-видимому, он чего-то ждал от ненормальности и оттого уделял так много внимания выбитым из колеи людям. К прочным, определенным заключениям он, правда, не пришел — несмотря на все напряжение творчества. Он убедился, что выхода из запутанного лабиринта нет, что лабиринт, неопределенные блуждания, вечные колебания и шатания, беспричинное горе, беспричинные радости, словом, все, чего так боятся и избегают нормальные люди, стало сущностью его жизни. *Об этом и только об этом нужно рассказывать*» (выделено мной. — *Н.С.*) [7, с. 211-212].

---

[3] На полях можно заметить, что эту же важнейшую черту мысли Шестова, унаследованную и учеником русского философа, Бенжаменом Фонданом, характеризует Эмиль Чоран, сам испытавший сильное влияние одинокого мыслителя: «Но по правде говоря, Фондан интересовался не столько тем, что автор говорит, сколько тем, что он мог бы сказать, что он *скрывает*, и следовал в этом шестовской методе: познавать, *идя за характерами*, а не за идеями» [10, с. 352].

[4] Который, спустя десятилетия, будет признан как «формально наиболее совершенный» Виктором Шкловским (см.: [11, с. 79]). Ср.: о приемах раннего Чехова и их развитии в поздний период творчества писателя (на примере традиционных топосов русской литературы XIX в.) см.: [12].

Главный поиск Шестова в этот период направлен на то, *как* об этом рассказывать. В сущности, эта задача — даже не столько философа, сколько поэта, художника. Именно чеховские краткость и отсутствие «закруглений» — в основе нового типа философской фрагментарности мышления, разрабатываемой Львом Шестовым. В дальнейшем размышления над чеховским повествованием приводят Шестова к вновь найденному способу сталкивать и сцеплять между собой, казалось бы, несопоставимые мысли и фрагменты мыслей. Такая форма в различных вариациях будет воспроизводиться потóм во всех его сочинениях.

Но работа «Творчество из ничего» завершается полной неопределенностью выводов, от которых, впрочем, сам философ сразу предостерегал. «Нужно портить, грызть, уничтожать, разрушать. Спокойно обдумывать, предугадывать будущее — нельзя! Нужно колотиться, без конца колотиться головой о стену. К чему это приведет? И приведет ли к чему-нибудь? Конец это или начало? Можно видеть в этом залог нового, нечеловеческого творчества, творчества из ничего? «Не знаю», ответил старый профессор рыдающей Кате[5]. Не знаю,— отвечал Чехов всем рыдающим и замученным людям» [7, с. 214].

Это же *не знаю* становится конструктивной частью шестовских размышлений в «Апофеозе беспочвенности», где он, продолжая логику образа чеховского «безнадежного человека», говорит о забвении всех правил, условностей, мировоззрений, — забвении, предоставляющем человека самому себе, когда единственное его устремление — найти истину для себя. В образе неизлечимого больного, оставленного врачами, предстает человек в состоянии экзистенциальной заброшенности, отчужденности от мира самоочевидных истин: «И он начинает думать, думать, думать — все о таких вещах, о которых никто не думает. Его все забыли, и он понемногу обо всем забывает и прежде всего забывает о столь распространенной истине, что только те суждения имеют цену, которые признаны общеобязательными. Не то, что он оспаривает эту истину, он ее *забывает* и некому о ней ему напомнить» [8, с. 161].

Думается, что этот образ болезни и забвения навеян чеховской «Скучной историей», в которой *незнание* становится центральной фигурой мысли. Одиночество и экзистенциальная заброшенность в мире — предельное основание философского поиска: «Быть непоправимо несчастным — постыдно. Непоправимо несчастный человек лишается покровительства земных законов. Всякая связь между ним и обществом порывается навсегда. И так как рано или поздно каждый человек осужден быть непоправимо несчастным, то, стало быть, *последнее слово философии — одиночество*» [8, с. 52].

Изначальный замысел написать книгу о Тургеневе и Чехове, об их героях, лишних и безнадежных людях, не осуществился, возможно, ввиду того, что слово Тургенева оказалось в опасном соседстве со словом Чехова, к которому философ постоянно возвращался, и последовательное изложение, как он чувствовал, приобрело бы «нежелательный оттенок отчетливости» [8, с. 34], совершенно искусственный. Тургеневское повествование, в противоположность чеховскому, вовсе не чуждо завершенности, даже хотя бы в виде прикрепления «мировоззрения» к изображенному (ср.: [8, с. 54-56]). Тургеневские и чеховские экзистенциальные картины как будто бы диссонировали, благодаря тургеневскому стремлению *знать* и *объяснять* поверх выраженного. Напротив, повествование о чеховской манере рассказывания само должно быть параллельным поиском с точкой отсчета там, где автор *не знает*, что делать с героем, герой не знает, что делать со своей безнадежной жизнью, не может дать совета и т.д. На пороге неизвестности остаются чеховские герои, и Шестов в «Творчестве из ничего» обрывает свое повествование провокационным цитированием Бодлера «Résigne-toi, mon coeur, dors ton sommeil de brute»[6]. Бодлеровской «жажде небытия» в финале «Апофеоза беспочвенности» противостоит «жажда головокружения»: «Кому надоели долины, кто любит карабкаться, кто не боится глядеть в пропасть и — главное — у кого ничего не осталось в жизни, кроме «метафизической потребности», тот, разумеется, полезет на вершины, даже не справляясь о том, что ждет его там. Тот, не боится, тот жаждет головокружения…» [8, с. 179].

Следуя чеховской логике повествования, философ «странствует по окраинам жизни» [8, с. 47], блуждает в лабиринте, возвращается к ключевым фрагментам перечитываемого. Вновь найденные, не вписывающиеся в стройную картину элементы образуют новые смыслы, открывающие за очевидным невидимое, за стройными рядами умозаключений и доказательств — вечно необъяснимое. Шестов вдохновляется чеховской краткостью и незавершаемостью, чуждостью «искусственным закруглениям». Именно эти черты проявляются в философском повествовании Шестова, афористически-кратком и фрагментарном, в особой манере движения в лабиринте и по горным вершинам, в столкновении и сцеплении разных мыслей, выслеживании судеб отдельных людей.

1. Shestov Lev. Anton Tchekhov And Other Essays. Transl. by S.Koteliansky and J.M.Murry. Dublin and London: Maunsel and Co. Ltd, 1916 [Электр. ресурс]. URL: https://www.gutenberg.org/files/56758/56758-h/56758-h.htm#ANTON_TCHEKHOV (дата обращения: 06.09.2020).
2. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 17-18. Письма. М.: Художественная литература, 1984. 910 с.
3. Бушканец Л.Е. «Он между нами жил… »: А.П.Чехов и русское общество конца XIX — начала XX в. Казань: Казанский университет, 2012. 755 с.

[5] См.: [13, с. 309].

[6] Букв.: Смирись, мое сердце, / Засни глубоким сном (фр.). Из стихотворения Ш.Бодлера “Le gobit du néant” («Жажда небытия», 1859) из второго издания «Цветов зла», ср: [14, с. 101].

4. А.П.Чехов: pro et contra: Творчество А.П.Чехова в русской мысли конца XIX — нач. XX в. (1887—1914): Антология / Сост., предисл., общ. ред.: И.Н.Сухих, послесл. и комм. А.Д.Степанова. СПб.: Изд-во Русского Христиан. гуманитар. ин-та, 2002. 1072 с.
5. Anton Chekhov Through the Eyes of Russian Thinkers: Vasilii Rozanov, Dmitrii Merezhkovskii and Lev Shestov / Ed. by Olga Tabachnikova. London: Anthem Press, 2010. 312 p.
6. Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: В 2 т. Т. 1. Париж: La Presse Libre, 1983. 359 с.
7. Шестов Лев. Соч.: В 2 т. Т. 2. Томск: Водолей, 1996. 444 с.
8. Шестов Лев. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. 216 с.
9. Шестов Лев. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. 667 с.
10. Чоран Э. После конца истории. СПб.: Симпозиум, 2002. 544 с.
11. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 266 с.
12. Оверина К.С., Степанов А.Д. Топосы у Чехонте и Чехова [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 4(22). URL: https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1544092 (дата обращения: 06.09.2020). https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.4(22).16
13. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1977. 375 с.
14. Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе / Сост., вступ. ст. Г.К.Косикова. М.: Высшая школа, 1993. 511 с.

References

1. Shestov Lev. Anton Tchekhov And Other Essays. Transl. by S. Koteliansky and J.M.Murry. Dublin and London, Maunsel and Co. Ltd, 1916. Available at: https://www.gutenberg.org/files/56758/56758-h/56758-h.htm#ANTON_TCHEKHOV (accessed: 06.09.2020).
2. Tolstoy L.N. Collected Works in 22 vols., vol. 17-18. Pis'ma [Correspondence]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1984. 910 p.
3. Bushkanets L.E. «On mezhdu nami zhil… »: A.P.Chekhov i russkoe obshchestvo kontsa XIX — nachala XX v.["He lived between us ...": A.Chekhov and Russian society of the late 19th — early 20th century.] Kazan', Kazanskii universitet Publ., 2012. 755 p.
4. Sukhikh I.N., Stepanov A.D., eds. A.P.Chekhov: Pro et Contra : Tvorchestvo A.P.Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX — nach. XX v. (1887—1914): Antologiia [A.P.Chekhov: Pro et Contra: A.P.Chekhov in Russian thought of the late 19th — early 20th century (1887—1914): Anthology]. St. Petersburg, 2002. 1072 p.
5. Tabachnikova Olga, ed. Anton Chekhov Through the Eyes of Russian Thinkers: Vasilii Rozanov, Dmitrii Merezhkovskii and Lev Shestov. London, Anthem Press, 2010. 312 p.
6. Baranova-Shestova N. [The life of Lev Shestov in 2 vols., vol. 1.]. Paris, La Presse Libre, 1983. 359 p.
7. Shestov Lev. Collected Works in 2 vols., vol. 2. Tomsk, Vodoley Publ., 1996. 444 p.
8. Shestov Lev. Apofeoz bespochvennosti: Opyt adogmaticheskogo myshleniia [All Things are Possible (Apotheosis of Groundlessness)]. Leningrad, 1991. 216 p.
9. Shestov Lev. Collected Works in 2 vols., vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1993. 667 p.
10. Cioran E. [After the End of History] St. Petersburg, Simpozium Publ., 2002. 544 p.
11. Shklovsky V.B. O teorii prozy [On theory of prose]. Moscow, 1929. 266 p.
12. Overina K.S., Ctepanov A.D. Toposy u Chekhonte i Chekhova [Chekhov's and Chekhonte's topoi]. Memors of NovSU, 2019, no. 4(22). Available at: https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1544092 (accessed: 06.09.2020). https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.4(22).16
13. Chekhov A.P. The Complete Works in 30 vols, vol. 7. Moscow, Nauka Publ., 1977. 375 p.
14. Baudelaire Charles. Tsvety zla. Stikhotvoreniia v proze [The Flowers of Evil. Poems in prose]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1993. 511 p. (In Russian).

Smirnova N.N. "Of this and this alone must a man tell". Chekhov's narration in interpretation by Lev Shestov. It was Lev Shestov who first revealed in Chekhov's work new principles of thinking and constructing a short, fragmentary, aphoristic style of narration. The book All Things are Possible (Apotheosis of Groundlessness, 1905) has its origins in the two contrary persons of Russian literature — Chekhov and Turgenev. But gradually, design of the book changed and received its new forms in reflections on Chekhov's subjects, the fate of Chekhov's heroes and the fate of the writer himself. In the famous article "Creation from the Void" (1905), Lev Shestov, developing design of "Apotheosis", discussed Chekhov's work, his style of narration, the most important dominants of thinking. The new principles of Chekhov's narration inspired the philosopher's thoughts on the fundamental incompleteness, fragmentation of the world and life, and human existence. As a result, Lev Shestov constantly returns to the key fragments of the re-read, conjugates and collides different ideas, developing his provocative style of thinking.

Keywords: A.P.Chekhov, Lev Shestov, Theory of Literature, Russian Literature, Russian Philosophy, narration, fragmentariness, re-reading.

Сведения об авторе. Наталья Николаевна Смирнова — кандидат филологических наук (10.01.08 — Теория литературы), старший научный сотрудник Отдела теории литературы, ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук»; ORCID: 0000-0001-6980-7353; nnsmirnova@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.10.2020. Принята к публикации 01.11.2020.